

РИХАРД ЛЕВЕНТАЛЬ О СУЩНОСТИ КАПИТАЛИЗМА

RICHARD LEVENTHAL ON THE ESSENCE OF CAPITALISM

G. Popov
V. Werner

Summary: The article examines the philosophical legacy of the neo-Marxist Richard Leventhal from the perspective of the new political economy of German Marxism in the 1940s and 1950s. The purpose of the work is to review the analysis of the essence of capitalism made by R. Leventhal. The authors mainly rely on the materials of R. Leventhal's book «Beyond Capitalism», written by him in the UK in the wake of the events of the Second World War. He particularly sharply criticized the Stalinist model of socialism. Studying the heritage of R. Leventhal and other German neo-Marxists make it possible to better understand why the Soviet version of a socialist society was negatively perceived by many intellectuals in the West after World War II.

Keywords: political economy of the new Marxism, Richard Leventhal, German Marxism, Germany at the beginning of the Cold War.

Попов Григорий Германовичканд. эконом. наук, старший научный сотрудник,
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ (Москва)

GGPopov2009@mail.ru

Вернер Виктор Геннадьевич

Российский университет дружбы народов (Москва)

Wehrner85@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается философское наследие неомарксиста Рихарда Левенталья в ракурсе новой политической экономии немецкого марксизма 1940–1950-х гг. Целью работы является обзор анализа сущности капитализма, сделанного Р. Левенталем. В основном авторы опираются на материалы книги Р. Левенталья «За пределами капитализма», написанную им в Великобритании по следам событий Второй мировой войны. Особенно резкой критике он подверг сталинскую модель социализма. Изучение наследия Р. Левенталья и других немецких неомарксистов позволяет лучше понять, почему советский вариант социалистического общества был негативно воспринят после Второй мировой войны многими интеллектуалами на Западе.

Ключевые слова: политическая экономия нового марксизма, Рихард Левенталь, немецкий марксизм, Германия в начале Холодной войны.

Вклад Рихарда Левенталья в социал-демократическую теорию развития общества хорошо известен на Западе. В СССР он стал знаком ученым в основном благодаря своей работе о Хрущевской оттепели [1]. Однако в России политико-философское наследие этого мыслителя и участника левого крыла немецкого антифашистского движения в годы Второй мировой войны почти не изучено, нет также глубокого анализа развития альтернативных течений марксизма в 1930–1940-е гг. в среде немецких левых. Во многом политическое поражение левого революционного движения в послевоенной Западной Германии остается недостаточным исследованным в российской историографии, как и идейный раскол среди немецких левых после 1945 г., который набирал все большую силу с каждым годом, при этом среди некоторых из них усиливалась критика Германской Демократической Республики. Изучение трудов немецких марксистов, относивших себя к возникшему еще в конце Веймарского периода новому началу (НН), должно отчасти пролить свет на эти причины. Этот анализ также дает возможность попытаться ответить на вопрос: почему марксизм на Западе потерпел крах, и в самой Германии осталось не более 30 000 человек, которых можно было бы причислить к коммунистам (в российском понимании этого термина), а также к анархистам.

Целью настоящей статьи является анализ эволюции Р. Левенталья как мыслителя из числа ранних неомарксистов. Отсюда вытекают следующие задачи: дать характе-

ристику идеям Р. Левенталья и показать политико-философский контекст движения НН, в рамках которого он анализировал капитализм, определить пользу идейного наследия этого мыслителя для современной российской науки. Интеллектуальная и политическая трансформация Р. Левенталья из социалиста-революционера в социал-демократа-реформатора началась уже в период Второй мировой войны. Он был главным теоретиком «Нового начала» после смены его руководства в 1935 г. и, как и Вальдемар фон Кноринген, провел весь нацистский период в эмиграции. Но, в отличие от Кнорингена, Р. Левенталь не вернулся в Германию после войны. Под влиянием своих бывших товарищей он опубликовал незадолго после Второй мировой войны последний манифест НН «Jenseits des Kapitalismus». Но на своем журналистском посту корреспондента газет «Рейтер» и «Лондонского обозревателя» Р. Левенталь вскоре освоился с британской парламентской демократией и политической культурой Лейбористской партии [4].

Находясь в Лондоне, Р. Левенталь был в курсе последних политических событий в оккупированной Германии и во всей Европе. Коллеги по НН предлагали ему вернуться в Германию, чтобы участвовать в политической борьбе. На фоне политического кризиса среди социал-демократов в Берлине в 1946–1947 гг. Р. Левенталь посвятил свою книгу 1947 г. «выжившим друзьям в Германии» [7, С. 3]. Она была нацелена на просвещение в первую очередь немецких марксистов по вопросам раз-

вития капиталистического общества, главной целевой аудиторией книги были социалисты внутри Германии, пережившие двенадцать лет материальной и духовной изоляции и нуждавшиеся в помощи, чтобы разобраться в новых проблемах социализма. В частности, у немецкой молодежи в нацистский период не было возможности ознакомиться с этими идеями, и Р. Левенталь хотел «дать им первое представление о том, что социалисты могут сказать об исторических задачах нашего времени» [7, S. 5].

Переключаясь с идеями, выраженными в совершенно ином ключе консервативным историком Фридрихом Майнеке [12], Р. Левенталь описал историческую катастрофу в Германии и во всем мире, вызванную фашизмом, который он считал крайним проявлением капиталистической эксплуатации. Р. Левенталь с радостью отмечал очевидное исчезновение какого-либо конкретного значения слова «социализм», потому что это иллюстрировало истинность видения современного мира К. Марксом: после великой катастрофы социализм, по крайней мере в его анализе капитализма, будет воспринят как априорная истина [7, S. 6]. Любая серьезная переориентация социалистической теории должна была начинаться с переоценки учения К. Маркса. В своей книге Р. Левенталь взвешенно рассматривал основное идеологическое наследие европейского социализма. В западной марксистской манере Р. Левенталь указывал на гегелевские корни философии К. Маркса и обосновывал свою собственную версию марксизма, как учения, выросшего из «традиции европейского гуманизма» [7, S. 14].

В духе Фрица Эрлера и других бывших участников НН Р. Левенталь интерпретировал Маркса через призму знаменитой концепции Розы Люксембург «Социализм или варварство». Основные положения этой концепции заключались в случайности социалистической политики и ненадежности социалистических преобразований. Отвергая ортодоксальную марксистскую веру в автоматический, или детерминированный, переход к социализму, Р. Люксембург при этом представила социализм как приоритетную форму дальнейшего развития Европейской цивилизации. По ее мнению, предоставленный самому себе капитализм уничтожил бы черты той цивилизации, которые впервые позволили ему стать в мире доминирующим строем (многие левые в начале XX в. считали, что принципы социализма существовали в рамках Европейской цивилизации на протяжении всего ее существования). Но социализм нельзя рассматривать как абстрактную идеологическую альтернативу капитализму; вместо этого он должен быть теоретически и практически приспособлен к конкретной общественной ситуации. Поэтому, утверждал Р. Левенталь, борьба левых сил будет принимать разные формы в разных странах и социально-политических обстоятельствах. Наряду с гегелевской тенденцией приписывать универсальное

всемирно-историческое значение отдельным моментам, марксизм предоставил инструменты для ориентира в проблемах современного мира. Но в то же время, Левенталь выступал против доктринерской тенденции марксистов реагировать на «конкретные проблемы повседневной политики цитатами из Маркса». Такая догматическая инструментализация К. Маркса представляла собой «противоположность научному социализму» [7, S. 24].

Р. Левенталь определил в качестве своей центральной темы широко распространенные явления плановой экономики и государственного регулирования рынков, начавшиеся во время Великой депрессии и продолжавшиеся в послевоенные годы. Плановый капитализм, частично основанный на кейнсианских теориях, на самом деле, мог «достичь своего завершения только как плановый империализм» и фашизм. С другой стороны, планирование социального обеспечения «не может достичь цели стабильной полной занятости как капиталистическое планирование, а только как социалистическое планирование» [7, S. 108], под которым Р. Левенталь подразумевал демократический контроль над государственными механизмами управления экономикой. Крушение капитализма свободного рынка и традиционного экономического либерализма, утверждал он, были продуктами имманентной экономической и социальной динамики самого капитализма.

Однако, вопреки бернштейнианскому ревизионизму, Р. Левенталь разделил марксистскую веру в падающую норму прибыли и растущую степень риска при капиталовложениях [7, S. 31–34]. В XX в. новая форма корпоративного капитализма привела к отделению владельцев капитала от фактической предпринимательской функции. Они больше не принимали реальных решений на предприятиях и не поддерживали прямых контактов со своими сотрудниками; вместо этого появился новый класс менеджеров, администраторов и главных руководителей, которые сами часто владели крупными акциями корпораций, взяв на себя непосредственное руководство бизнесом. Буржуазные собственники превратились в чистых рантье, живущих на дивиденды. Подобно американскому теоретику Джеймсу Бернхэму, Р. Левенталь отметил глубокое влияние этой «управленческой революции» на функционирование капиталистических предприятий [7, S. 44].

Р. Левенталь отверг относительно себя ярлык «реформиста», но вполне признавал пользу прогрессивных реформ: «Социальные реформы сами по себе не могут преодолеть капитализм, но каждый шаг социальной реформы – это, как сказал Маркс о введении 10-часового рабочего дня, «победа принципа»: принципа регулирования общества в соответствии с потребностями человека вместо автоматических законов рынка» [7, S. 50–

51]. Как он утверждал, чтобы обеспечить долгосрочную применимость реформ, социалистическое движение должно бороться за контроль над государством. Распределение богатства «не определяется непреложными экономическими законами, а, скорее, может быть изменено только в результате политической борьбы за влияние на экономическую политику государства» [7, S. 59]. Р. Левенталь выступал за «мирную революцию» социализма через существующие демократические институты, но он признавал, что циклические кризисы капитализма могут привести к кризису легитимации демократического государства [7, S. 59–60]. Единственный способ избежать этого состоял в том, чтобы социалисты взяли бразды правления экономическим планированием в свои руки и скорректировали неустойчивость капиталистического рынка. Демократические институты могли бы стать «реальным инструментом для подчинения производственной иерархии коллективной воле трудящихся» [7, S. 70]. Социалисты должны обеспечить подчинение демократическому контролю любых бюрократических иерархий, необходимость в которых вызвана технологическим прогрессом в способе производства. Хотя государство традиционно фигурировало как орган угнетения рабочего класса, считал Р. Левенталь, послевоенное государство всеобщего благосостояния теперь представляло собой единственный инструмент для достижения социализма [7, S. 82–83].

Недавние исследования выявили ряд серьезных и частично нигде не опубликованных разработок Р. Левентала по теории политической диктатуры [15]. Он утверждал, что «диктатура – это отмена всех юридических ограничений государственного принуждения. Тотальная диктатура – это полная отмена прав личности не только во время чрезвычайной ситуации, но и как постоянная система: права существуют только до тех пор, пока они не противоречат целям государства — при тоталитарном режиме нет прав против государства» [7, S. 118]. Юридическое определение Р. Левентала, сосредоточенное на чрезвычайном положении, суверенной или комиссарской диктатуре и приостановлении конституционных прав личности напоминает классические межвоенные теории Карла Шмитта и Ганса Кельзена [5; 16; 17]. Однако многое здесь у него основано на изучении политической ситуации в мире сразу после Второй мировой войны.

Р. Левенталь написал упомянутую выше книгу о капитализме, все еще находясь в лондонском изгнании, и возлагал свои самые большие надежды на Лейбористскую партию как на маяк демократического социалистического «третьего пути» в Европе, где Европа есть третья сила «между колоссами» капиталистических США и коммунистическим и антидемократическим СССР [7, S. 247]. Он призвал к европейскому интернационализму в противовес абстрактному призыву к правам человека

или слабой Лиге наций – ООН [7, S. 256]. Этот вид интернационализма, ориентированный на мирное сосуществование и разрядку, значительно отличался от социалистического или пролетарского интернационализма, который Р. Левенталь пропагандировал в юности.

Что касается борьбы рабочих за политическую власть, Р. Левенталь предостерегал от насильственной революции и любого «закостенения социалистической мысли» [7, S. 85]. Такие односторонние и догматические идеи привели, по его мнению, к провалу обоих направлений рабочего движения в 1933 г. Ни социал-демократы, ни коммунисты не понимали, как считал Р. Левенталь, классовую борьбу как борьбу за лидерство в нации, за демократическое завоевание государственной власти с целью проведения конкретной антикризисной программы в ответ на экономическую депрессию и политическую неопределенность того периода. Он писал: «немецкая катастрофа 1933 года имела определенный эффект, инициировав процесс прояснения в международном рабочем движении, лихорадочные усилия по практической и теоретической адаптации к новым задачам» [7, S. 87]. Однако Р. Левенталь умалчал о том, что новые задачи 1930-х годов — социалистическое единство и обновление — не обязательно соответствовали новым задачам социализма в послевоенном мире.

Р. Левенталь верил, что мирная революция в рамках демократии означала трансформацию буржуазного государственного аппарата в децентрализованный орган принятия решений, который предусматривал критические общественные дебаты на всех уровнях [7, S. 199]. Преодолевая традиционное противопоставление революции и реформ и связывая эти две политические стратегии с существующим демократическим государством, Р. Левенталь выступал за своего рода институционализированный социализм, который напоминал республиканские теории воинствующей демократии, пропагандируемые в послевоенные годы такими авторами как Дольф Штернбергер, Альфред Вебер и Уолтер Диркс [3, p. 74–113]. Однако оставалось неясным, каким образом оборонительное государственное принуждение могло бы политически и культурно примириться с массовой мобилизацией – особенно если бы массы выступили против демократического государства. Этот сценарий вполне мог осуществиться в 1960-х годах. Но формула Р. Левентала, казалось, подходила для периода экономического бума на Западе в 1950-е гг., когда демократический социализм приспособлялся к существующим политическим структурам и реформированному капитализму и когда все, казалось, заботились только об экономическом росте [14].

Описывая перспективы социалистического планирования на Востоке, Р. Левенталь настаивал на том, что курс на социализм в России вовсе не опровергает экономиче-

скую целесообразность этой модели. Советская проблема была, по сути, политической: диктаторская однопартийная система способствовала возникновению новой социальной иерархии, фактически новой классовой структуры. Предвосхищая аргументацию югославского коммуниста-диссидента Милована Джиласа, Р. Левенталь раскритиковал то, как элита бюрократов коммунистической партии присвоила себе социальные привилегии и превратила массы в полностью зависящими от нее во всем. В СССР не было партийной демократии: вместо этого «новый класс» осуществлял «монополию на знания», которая исключала какой-либо демократический контроль над процессом экономического планирования [7, S. 147, 157]. В национализации ключевых отраслей промышленности, установлении квот на производство и государственном регулировании не было ничего, по своей сути, недемократичного или даже неэкономичного; недемократичным оказался только процесс принятия политических решений. «Как мы уже говорили, – резюмировал Р. Левенталь, – Советский Союз экономически свободен в достижении цели планирования социально-экономического обеспечения. Теперь мы видим, что делает он это систематически политически несвободно» [7, S. 156].

Он завершил свою главу о советской плановой экономике разделом под названием «Трагедия русской революции»: первоначальные цели революции были достойными и благими, но средства их достижения, проявившиеся в 1920-е и 1930-е гг., сделали достижение этих целей невозможным. В соответствии с традицией НН, Р. Левенталь направил свою критику коммунизма конкретно на его сталинистский вариант. Но, отойдя от первоначальной концепции НН уже в середине 1930-х гг., он больше не рассматривал ленинскую модель элитного революционного авангарда как применимую к передовым промышленным и культурным условиям Запада. Трагедия русского народа научила демократических социалистов тому, что между социально-экономической целью социализма и его политической формой существует неразрывная связь. Очевидно, широко распространенное мнение о том, что социалисты могут выбирать между диктаторской и либеральной формами социализма по соображениям целесообразности – это иллюзия. Именно потому, что современные технологии и организация производства имеют тенденцию к формированию новой иерархии, решение о том, превратится ли эта иерархия в новый доминирующий класс или по своей функции будет подчинена потребностям трудящихся масс, зависит от наличия эффективного демократического контроля. В эпоху иерархической организации производства, как доказывал Р. Левенталь, общество может быть социалистическим только в условиях демократии [7, S. 157–158].

Р. Левенталь не рассматривал большевизм как законного наследника европейской социалистической традиции или даже ее марксистской разновидности: орто-

доксальный марксизм-ленинизм был недемократичным, «русифицированным марксизмом» и, следовательно, как он считал, отклонением от нормы [7, S. 165]. В России отсутствовали Реформация, Просвещение, какие-либо традиции свободного мышления и какие-либо концепции прав человека и свободы личности. Таким образом, модель Советского государства и ход Русской революции не могли быть воспроизведены в Европе, поскольку это повлекло бы за собой отказ от гуманизма, прав личности, свободы мысли и других ценностей.

Советский коммунизм означал бы культурную катастрофу и даже «варварство» для Европы. Единственным вариантом, который соответствовал европейской цивилизации, был демократический социализм. Оставляя в стороне подобные столкновения с культурным шовинизмом, Р. Левенталь описал демократическое социалистическое планирование как стремление к экономической эффективности по отношению к заданной цели, его целью было выровнять социальное игровое поле, установить равенство возможностей продвижения для всех. Капитализм, как он доказывал, всегда стремился ограничить возможности для личности, включая реализацию политической воли, и, по сути, демократию. Но любой другой путь, кроме демократии, уводит от социализма к некоей форме «тоталитарного окостенения», но при этом борьба за демократию, по Р. Левенталю, есть долгий и тяжелый процесс [7, S. 167, 180, 182, 193, 200]. В этих исследованиях о неудобных истинах демократического социализма Р. Левенталь во многом походил на Макса Вебера, который сказал, что в политике нет быстрых и легких решений, есть только «медленное, мощное сверление твердых досок, со смесью страсти и чувства меры» [18, S. 32].

Военная и послевоенная экономика Англии доказали, что управляемый государством план производства и социальных услуг не обязательно должен следовать модели коммунизма [7, S. 209]. В отличие от теорий, развивавшихся примерно в то же время среди немецких интеллектуалов-беженцев и Франкфуртской школы, Р. Левенталь утверждал, что тенденция к тоталитарной политической структуре не нашла своей необходимой основы в общем развитии средств технического и административного господства. Его вера в рационально-демократический контроль превзошла любые пессимистические наблюдения о диалектике просвещения: даже типичные характеристики тоталитарных государств, такие как направляемая государством пропаганда и обширные сети слежки, могли быть подчинены демократической воле масс.

Выбор между альтернативами переходного периода (послевоенный период), по Р. Левенталю, это выбор между путем к социалистической цели и в тоталитарный тупик мировой истории [7, S. 214]. И снова мы видим

очередную итерацию логики противопоставления социализма варварству Р. Люксембург. Р. Левенталь явно следовал ее взглядам: «она была единственным человеком в революционном рабочем движении, который обладал как теоретическими возможностями, так и моральным авторитетом, чтобы предотвратить господство в международном социализме диктатуры партии большевиков» [7, S. 224–225]. Концептуальные идеи Р. Левенталья синтезировали интеллектуальную эволюцию Нового начала в 1930-е гг. с широко распространенным после Второй мировой войны убеждением, что капитализм «станцевал свой последний вальс». Демократические социалисты, как советовал Р. Левенталь, должны занять примирительную позицию, которая понравилась бы самым широким слоям населения. Партия демократического социализма должна была, как он утверждал, постараться максимально преодолеть классовый конфликт [6].

Говоря о перестройке СДПГ на низовом уровне, Вальдемар фон Кноринген выразил надежду, что книга Р. Левенталья может помочь «новой интеллектуальной ориентации нашего функционерского корпуса» [11, S. 336] и стать важной вехой в развитии Нового начала, которая может служить руководством к действию для социалистов в послевоенной Германии. Однако другие участники НН и марксисты в целом не разделяли целиком идеи Р. Левенталья, в частности, его критику Советского Союза. Несмотря на достоинства своей политико-философской книги, Р. Левенталь не стал ведущим партийным теоретиком или интеллектуальным светилом, как его бывшие товарищи по НН. Вместо этого он пустил корни в Англии и начал работать корреспондентом лондонских газет «Обсервер» и «Рейтер». Его журналистская работа иногда выливалась в более абстрактные размышления о направлении социализма и мировой политике: он регулярно публиковался в социал-демократическом теоретическом журнале «Новое общество» и поддерживаемых США периодических изданиях, таких как «Месяц» и «Проблемы коммунизма». В 1950-е гг. он выступал главным образом как один из ведущих западных экспертов по советскому вопросу [2, p. 398–425].

Секретная речь Н.С. Хрущева на XX съезде партии в 1956 г. на фоне венгерских событий дали снова повод Р. Левенталю углубиться в свою теорию тоталитаризма [9; 10]. Существенно пересматривая заявления, сделанные им семью годами ранее, он отверг перспективу демократической социалистической Европы как «третьей силы» между капиталистическим и коммунистическим блоками. К этому его подтолкнула речь Н.С. Хрущева, поскольку Р. Левенталь считал СССР неспособной к политическому реформированию системой, поэтому стал утверждать, что европейские социалисты должны стать частью системы западной демократии [13, S. 90]. Исчезла критика капитализма и революционного социализма, которая характеризовала первоначальную направлен-

ность интеллектуального движения НН; на ее место пришел прагматичный антикоммунизм, соответствующий реальности холодной войны, заключавшейся в том, что разделенная Германия больше не могла рассчитывать на независимое выступление на мировой и даже континентальной арене. Р. Левенталь принял свое место и место либерального социализма в западном демократическом капиталистическом лагере. В том же году он опубликовал статью в официальном теоретическом журнале СДПГ «Новое общество», которая называлась «Социализм без утопии». Первоначальный импульс для европейского социализма, писал он, «заключался в преодолении экзистенциальной незащищенности и безличной зависимости, в которые ввергло трудящихся наступление современной капиталистической промышленности». Далее он писал: «Новый коллективный дом для отчужденных масс перерос в солидарность социалистического рабочего движения». Но социалисты потерпели такую же неудачу, как и консерваторы, в решении основных проблем капитализма, и эта неудача стала очевидной только после экономической катастрофы 1929 г. Однако социалистическое движение после 1945 г. не должно «экспериментировать» с какими-либо новомодными утопическими решениями [8, S. 51]. Р. Левенталь считал, что капитализм за счет повышения производительности труда и новых банковских технологий уже создал условия для возникновения государства всеобщего благосостояния. Вторя Эдуарду Бернштейну, он утверждал, что капитализм сам по себе создал объективные условия, необходимые для экономического процветания и освобождения масс от материальных лишений; все, что оставалось – это «чистый вопрос политической власти», на который скандинавские и британские социалисты частично ответили. Социализм должен «раз и навсегда отождествиться с целью обеспечения полной занятости и государства всеобщего благосостояния» [8, S. 52].

Политические и философские взгляды Р. Левенталья, в целом, характерны для многих немецких марксистов, переживших период революционной романтики времен Веймарской республики и разочарование социалистическим движением, которое так и не стало к 1933 г. единым. Для Р. Левенталья, как и для многих немецких левых его поколения, приход к власти НСДАП был результатом провала демократии, но не марксизма, в котором они черпали объяснение великой трагедии Германии. Однако размышления над опытом политической борьбы с фашизмом подтолкнули Р. Левенталья к выводу, что, вопреки учению К. Маркса, развитие общества не детерминировано. В этой связи и Советский Союз также не рассматривается им в качестве результата неких неизбежных исторических закономерностей.

Р. Левенталь не стал институционалистом несмотря на то, что он рассматривал институты в качестве главных «драйверов» социально-экономического развития, что

особенно видно по его поздним работам, где он доказывает позитивную роль новых банковских технологий в эволюции западного капитализма. Однако, считая, что социалисты (т.е. европейские социал-демократы, а также английские лейбористы) и консерваторы не смогли найти правильных решений для стабилизации капиталистической системы, что привело к Великой депрессии, Р. Левенталь тем самым признал ограниченность влияния общественных институтов на экономику. Но в то же время он верил, что в послевоенной Европе социалисты найдут выход из сложившейся ситуации и построят государство всеобщего благосостояния.

Отказ от революции в пользу эволюции был у Р. Левенталя вызван в немалой степени анализом опыта СССР (сталинизм у многих левых на Западе вызывал резкую критику), так и анализом процессов в экономике Великобритании 1940-х гг., когда стало очевидно, что государство в состоянии в условиях капитализма решать многие важные социальные задачи. В то же время Р. Левенталь продолжал считать капитализм порочной системой, выводя из него фашизм как одну из форм эксплуатации человека человеком, и в этом смысле он в большей степени консолидируется с советским марксизмом. Но в то же

время, говоря о капиталистической природе фашизма, Р. Левенталь тем самым утверждает, что возможны разные вариации капитализма, что определяется политикой государства и уровнем развития культуры, поэтому он близок к ранним институционалистам и германской исторической школе.

Р. Левенталь отрицал возможность строительства в России эффективного социализма, потому что здесь исторически не сложилось гуманистическое мировоззрение, в рамках которого складывался западный капитализм. Но по этому поводу с ним можно поспорить. С идеями гуманизма, как и с идеями Просвещения, российское общество ознакомилось достаточно хорошо еще в XVIII столетии в рамках процесса догоняющего развития в областях культуры, науки и образования. Однако возникает вопрос, насколько это заимствование позволяло российскому обществу совершить успешный переход к социалистической модели общественного устройства. Следует отметить, что влияние тех или иных культурных норм на экономическое развитие в работах Р. Левенталя и других неомарксистов не рассматривалось, поскольку выходило за рамки их исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левенталь Р. Хрущев и мировой коммунизм. М.: Прогресс, 1964. 198 с.
2. Engerman D.C. Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts. Oxford; New York: Oxford University Press, 2009. 480 p.
3. Forner S.A. German Intellectuals and the Challenge of Democratic Renewal. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 383 p.
4. Greenberg U. The Weimar Century: German Émigrés and the Ideological Foundations of the Cold War. Princeton: Princeton University Press, 2015. 288 p.
5. Kelsen H. Das Problem der Souveränität
6. und die Theorie des Völkerrechts. Beitrag zu einer reinen Rechtslehre. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1928. 332 S.
7. Kirchheimer O. The Transformation of Western European Party Systems in LaPalombara // Political Parties and Political Development. Princeton: Princeton University press, 1966. P. 177–200.
8. Löwenthal R. Jenseits des Kapitalismus. Ein Beitrag zur sozialistischen Neuorientierung. Nuremberg: Nest-Verlag, 1946. 351 S.
9. Löwenthal R. Sozialismus ohne Utopie // Die Neue Gesellschaft. 1954. Vol. 1. No. 2. P. 50–59.
10. Löwenthal R. Revolution over Eastern Europe // Problems of Communism. 1956. Vol. 5. No. 6. P. 4–9.
11. Löwenthal R. Die Hölle auf Erden. Despotie im zwanzigsten Jahrhundert // Der Monat. 1957. Vol. 9. No. 105. S. 3–8.
12. Mehringer H. Waldemar von Knoeringen – Eine politische Biographie. Der Weg vom revolutionären Sozialismus zur sozialen Demokratie. Munich; New York: Saur, 1989. 529 S.
13. Meinecke F. The German Catastrophe: Reflections
14. and Recollections. Boston: Beacon, 1963. 121 p.
15. Reuter E. Ein Leben für die Freiheit: eine politische Biographie. Munich: Kindler, 1957. 758 S.
16. Schildt A. Moderne Zeiten. Freizeit, Massenmedien und «Zeitgeist» in der Bundesrepublik der 50er Jahre. Hamburg: Christians, 1995. 733 S.
17. Schmeitzner M. Eine totalitäre Revolution? Richard Löwenthal und die Weltanschauungsdiktaturen im 20. Jahrhundert. Bonn: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2012. 50 S.
18. Schmitt C. The Concept of the Political. Chicago: University of
19. Chicago Press, 1996. 162 p.
20. Schmitt C. Political Theology: Four Chapters on the Concept of Sovereignty. Cambridge, MA: MIT Press, 1985. 70 p.
21. Weber M. «Politics as a Vocation». The Vocation Lectures / eds. David Owen and Tracy B. Strong, Trans. Rodney Livingstone. Indianapolis: Hackett, 2004. 176 p.

© Попов Григорий Германович (GGPopov2009@mail.ru), Вернер Виктор Геннадьевич (Wehrner85@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»